

УДК 821.161.1-1(Цветаева М. И.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,445

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.08

М. Г. Милютин

Ижевск, Россия

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АНТОНИМИИ И СИНОНИМИИ & ИГРА СО СМЫСЛАМИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ)

Аннотация. Актуальным представляется изучение отношений между синонимами и антонимами в художественном контексте. В статье рассматривается взаимодействие антонимов и синонимов, на котором построена тонкая смысловая игра, нередко встречающаяся в стихотворных текстах М. И. Цветаевой, являющейся смелым и талантливым экспериментатором над поэтическим языком. Проанализировано несколько отрывков из стихотворений Цветаевой: «Тоска по родине», «Бежит тропинка с бугорка...», «Седина — в висок», «Гибель от женщины. Вот — знак...». Высвечивание одних семантических признаков и гашение других, сопоставление, а не противопоставление антонимов позволяет Цветаевой сделать смысловую границу между синонимами и антонимами подвижной. Такая подвижность смыслов, их зияние играет важную роль, помогая создавать особую эмоциональную напряженность стихотворений. В смысловую синонимо-антонимическую игру втягиваются у Цветаевой лексемы тематической группы «здание, строение»: *дом, гоститаль, казарма* («Тоска по родине...»); *замок, сарай* («Бежит тропинка с бугорка...»). В первом случае синонимизация контекстуальных антонимов подчеркивает равнодушие лирической героини, во втором, напротив, романтическую восторженность детского ощущения мира. В отрывке из стихотворения «В седину — висок» для актуализации необходимых смысловых нюансов Цветаева опирается на этимологическое значение слов *розные* и *разные*. В отрывке из стихотворения «Гибель от женщины. Вот — знак...» синонимами становятся контекстуальные антонимы *Серафим* и *Орленок*, подчеркнута разведенные знаком тире по разным полюсам семантического пространства.

Ключевые слова: антонимия; синонимия; поэтические тексты; русские поэтессы; поэтическое творчество.

M. G. Milyutina

Izhevsk, Russia

THE INTERACTION BETWEEN ANTONYMY AND SYNONYMY & THE GAME WITH SEMANTICS (BASED ON THE M. I. TSVETAEVA'S POEMS)

Abstract. Nowadays the study of relationships between synonyms and antonyms is relevant in the literary context. This article considers the interaction between antonymy and synonymy based on a delicate semantic play in poetic texts by M. I. Tsvetaeva who is a courageous and talented experimenter over the poetic language. In this article analyzed the fragment of Tsvetaeva's famous poem «Toska po rodine», «Bezhit tropinka s bugorka...», «Sedina — v visok», «Gibel ot zhenshhiny. Vot — znak...». Tsvetaeva makes a semantic line between synonyms and antonyms mobile by means of actualization and deactualization some semantic features, comparing but not contraposing antonyms. Such mobility of meanings, their gaping plays an important role and helps to create a special emotional tension of poems. Lexemes of thematic group «zdanie, stroenie»: *dom, gospital', kazarma* («Toska po rodine...»); *zamek, saraj* («Bezhit tropinka s bugorka...») M. I. Tsvetaeva involve in semantic synonymo-antonymic game. In the first case, the synonymization of contextual antonyms accents the indifference of the lyrical heroine, but in the second case, emphasizes the romantic delight of the child's sense of the world. Tsvetaeva draws on the etymological meaning of the words '*roznye*' and '*raznye*' in the passage of the poem «Sedina — v visok». She does it to actualize the necessary semantic nuances. In the excerpt from the poem «Gibel' ot zhenshhiny. Vot — znak...» contextual antonyms *Serafim* and *Orlionok* become are synonyms, which specially are split by dash into different poles of the semantic space.

Keywords: antonym; synonymy; poetic texts; Russian poetess; poetry writing.

Общепризнано, что изучение антонимической системы является неполным без учета ее взаимосвязей с системой синонимической. Синонимы и антонимы рассматриваются как два взаимосвязанных вида лексических оппозиций, разница между которыми состоит лишь в том, что антонимы выражают семантические отношения между полярными членами тематической группы, а синонимы — отношения между ближайшими членами этой группы [Новиков 1966: 81].

Вопрос о том, насколько антонимы «антонимичны» синонимам, Б. Ю. Норман считает не таким парадоксальным, как кажется на первый взгляд: «Получается, что вся разница — в соотношении общей и специфической частей в значении слов: у синонимов она приближается к нулю. Однако так дело обстоит в теории. На практике же даже минимальное семантическое расхождение, специфический «остаток значения» двух синонимов может быть «раздут», абсолютизирован — и тогда синонимы

превращаются в контекстуальные антонимы» [Норман 2011: 22].

Антонимическое употребление синонимов Ю. Н. Караулов называет *антосинонимией*, а синонимическое употребление антонимов — *синоантонимией* [Караулов 1976: 115–118].

На сегодняшний день актуальным представляется изучение синонимо-антонимических отношений в речевом аспекте. При этом исследователи отмечают высокую степень диффузности и варьирования в речевой реализации связей между синонимами и антонимами [Райская 2013: 158].

Особенно интересно проследить динамику многообразных семантических взаимосвязей между синонимами и антонимами в художественном тексте. Еще более интересно сделать это на материале цветаевских текстов, потому что Цветаева, «чрезвычайно далеко заведенная речью» [Бродский 1997], является одним из наиболее интересных мыслителей своего времени, а ее тексты, как поэтические, так и прозаические, — проявлением креативности уни-

кальной языковой личности. М. В. Ляпон отмечает пристрастие Цветаевой к опровержению аксиом, к столкновению «да» и «нет», к игре альтернативы и тождества [Ляпон 2011: 655].

На взаимодействии антонимических и синонимических отношений может быть построена тонкая языковая игра, которая нередко встречается в стихотворных текстах М. Цветаевой, являющейся смелым и талантливым экспериментатором над поэтическим языком. «“Игра слов и смыслов”, — какую-нибудь книгу свою я так назову» [М. Цветаева — Б. Пастернак 2004: 390].

Проанализируем отрывок из известного стихотворения М. И. Цветаевой «Тоска по родине».

*Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морюшка!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно-одинокой
Быть, по каким камням **домой**
Брести с кошелкою базарной
В **дом** и не знающий, что — мой,
Как **госпиталь**, или **казарма**...*

«Исследователи творчества М. Цветаевой неоднократно обращали внимание на это стихотворение, отмечая его эмоциональную напряженность», — пишет Л. Г. Зубова [Зубова 1989: 50]. Особую роль в этом стихотворении, написанном в годы эмиграции и скитаний по чужим домам (3 мая 1934 г.), безусловно, играет контраст, формируемый различными языковыми средствами, в том числе контекстуальными антонимами и синонимами.

В словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило обнаруживаем подразделение как антонимов, так и синонимов на языковые и контекстуальные.

«Выделяются следующие типы антонимов: 1) по степени зависимости от контекста: а) контекстуальные (речевые) — слова, семантическая противоположность которых проявляется только в контексте: *блеск — нищета; вода — камень*; б) языковые антонимы — слова, противоположность которых проявляется в изолированном виде...» [СЛТ 2010: 409].

«Синонимы делятся на группы <...> 1) по степени зависимости от контекста: а) контекстуальные (речевые) синонимы — слова, семантическое сходство которых проявляется только в контексте; б) языковые — слова, семантическое сходство которых проявляется изолированно, без контекста: *крепкий, прочный, твердый*...» [СЛТ 2010: 414].

В стихотворении «Тоска по родине» лирическая героиня М. Цветаевой отмечает, что ей, в сущности, безразлично («всё равно»), что именно считать своим домом. Она подчеркивает, что на чужбине ей приходится не жить, а выживать, и это делает ее равнодушной ко всему. Это равнодушие подчеркнуто с помощью тонкой смысловой игры с контекстуальными антонимами и синонимами. В приведенном отрывке интересующие нас лексемы выделены жирным курсивом.

С одной стороны, лексема *дом* антонимична, противоположна по значению и *госпиталю*, и *казарме* как понятие, соединяющее в себе две дифференциальные семы, актуализированные (*по каким*

камням домой / Брести с кошелкою базарной)¹ в контексте стихотворения: «1) здание, строение, предназначенное для жилья [БТСРЯ 2000: 272], 2) *своё* жильё, *собственное* жилище»² [СЕМ2 <http://987>]. Обозначенных сем не имеют ни лексема *госпиталь*, ни лексема *казарма*, так как они либо не предназначены для жилья (госпиталь — предназначен для лечения), либо не являются своим жильем (казарма предназначена для проживания военных или рабочих).

С другой стороны, лексема *дом* является контекстуальным синонимом и к лексеме *госпиталь*, и к лексеме *казарма*, поскольку все они обладают общей семой «здание, строение, помещение», также актуализированной в контексте стихотворения, но уже с помощью сравнения. В словарях синонимов, в том числе в «Новом объяснительном словаре синонимов» Ю. Д. Апресяна, синонимическая связь между указанными лексемами прямо не обозначена. Но это свидетельствует лишь о том, что *дом*, *госпиталь* и *казарма* не являются языковыми синонимами. Опосредованную связь между ними через архисему³ «здание, строение, помещение» можно установить. Ср.: *дом* — «Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий». В словарной дефиниции лексемы *казарма* обнаруживается сходная архисема: *казарма* — «Особое здание для размещения воинской части // В России до 1917 г.: здание для рабочих при фабрике, промысле и т. п.» [БТСРЯ 2000: 409]. В словарной дефиниции лексемы *госпиталь* высвечивается, в первую очередь, сема «учреждение», потому что для этого заведения важен именно «особый режим работы». Однако *госпиталь* — это все-таки тоже здание, строение, помещение. Стоит обратить внимание и на отрицательные семантические коннотации, связанные с переносным значением лексемы *казарма*, которые, как представляется, тоже значимы в контексте стихотворения Цветаевой: «*Неодобр.* Некрасивое, унылое, построенное по шаблону здание. <Казарменный. К-ая жизнь. К. порядок. Здание казарменного вида>» [БТСРЯ 2000: 409]. Лирическая героиня настолько безразлична ко всему, что даже некрасивое, унылое, построенное по шаблону здание готова считать домом⁴. Семантические коннотации лексемы *дом* прямо противоположны. Ю. Д. Апресян отмечает наличие положительных культурных коннотаций у этой лексемы: «дом — средоточие семейных и культурных традиций» [НОСС 2004: 286].

В контексте стихотворения значимое отсутствие семы «свое жильё» в лексеме *дом* подчеркнуто с помощью отрицательной частицы и притяжательного местоимения («не знающий, что мой»), а также с помощью сравнения («как»). Потому что

¹ С кошёлкою базарной обычно идут в свой дом, туда, где живут.

² Здесь автор статьи опирается на дефиницию Русского семантического словаря. Толкового словаря, систематизированного по классам слов и значениям» под общей ред. Н. Ю. Шведовой, размещенного на сайте «Словари.ру» (сок. СЕМ2). Условные сокращения приведены согласно данному сайту.

³ Гиперсема (архисема, родовая сема), обозначающая класс объектов: растение, животное, глаголы речи и др. [СЛТ 2010].

⁴ Щемящее чувство бездомности отчетливо выражено и в строчках из стихотворения 1922 года: *Над сказочнейшим из сиротств / Вы смилостивились, казармы!*

дом, к которому бредет лирическая героиня Цветаевой, не является для нее своим, точно так же, как не являются своим жильем ни госпиталь, ни казарма. Именно поэтому лексема *дом*, теряя обе дифференциальные семы, указанные выше, становится синонимом к понятиям *госпиталь* и *казарма*.

На возможность нейтрализации системных языковых противопоставлений и превращения антонимов в синонимы у М. Цветаевой обращает внимание Л. Г. Зубова, анализируя взаимоотношение обозначений черного, белого и красного цветов. Исследовательница отмечает, что универсальная для всех времен и культур оппозиция черного и белого, предопределенная антонимическими свойствами данных цветовых слов в их переносных и символических значениях, получает у Цветаевой нетрадиционную интерпретацию [Зубова 1989: 26]. Подобная нейтрализация — только уже не системных языковых противопоставлений, а индивидуально-авторских, контекстуальных — наблюдается и в приведенном примере.

Подвижность смысловой границы между синонимами и антонимами особенно остро ощущается в приведенном контексте, который как будто специально выстроен поэтессой таким образом. Еще Л. А. Новиков обратил внимание на способность антонимов выражать в речи разные смысловые отношения: не только противопоставления, но и соединения, разделения, дополнения, сопоставления, сравнения и др. [Новиков 1973: 126]. В данном случае антонимы, будучи словами противоположными по смыслу, сопоставляются, при этом задействуются их синонимические связи и отношения: на первый план выходит общее, а не различия в их смысловых отношениях, при этом «синонимическое различие формирует особую речевую экспрессивность» [Корюкина 2013: 427]. За счет тонкой языковой игры в контексте последовательно высвечиваются сначала антонимические, а затем синонимические отношения между лексемами *дом*, *госпиталь*, *казарма*, и именно таким путем создается особое эмоциональное напряжение, на которое обращают внимание исследователи этого стихотворения. Для того чтобы показать высокую степень эмоциональной опустошенности лирической героини, Цветаевой сначала нужно было противопоставить *дом* как свое, родное жилище, как средоточие семейных и культурных традиций и *не дом* как чужое, не свое жилище, как помещение для временного проживания, которое похоже на госпиталь или казарму, а уже затем сопоставить их, сравнить, поставить в один ряд.

С опорой на ту же тематическую группу Цветаева осуществляет языковую игру, основанную на зиянии смыслов между контекстуальными антонимами и синонимами, и в отрывке из стихотворения 1910–1911 года «Бежит тропинка с бугорка...», входящего в цикл «Ока» и проникнутого противоположным равнодушию «Тоски по родине» чувством:

...О, дни, где утро было рай
И полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

В этом примере контекстуальные антонимы *замок* и *сарай* противопоставлены как нечто грандиозное чему-то допотопному в архитектуре. Ср.: *замок* — «2. О дворцах, больших зданиях затейливой архитектуры» [БТСРЯ 2000: 333]; *сарай* — «1. Крытое хозяйственное строение, обычно без потолочных перекрытий» [БТСРЯ 2000: 1149]. Эпитет *царственный* усиливает, подчеркивает смысловую пропасть между *замком* и *сараем*, превращая их из контрарных антонимов в контрадикторные¹. Тем более экспрессивным становится их смысловое сведение до полных² контекстуальных синонимов. Приравнивание этих лексем происходит через экзистенциальный глагол *были*: *Сарай был* (в детстве. — М. М.) *царственным замком*. Экзистенциальный глагол является наиболее частотным средством для построения риторического топоса «тождество», который, в свою очередь, является частью более крупного топоса «определение», или, точнее, «изречение». «Тождество условно, — утверждает А. А. Волков, — поскольку установление тождества предполагает выделение определенных характеристик и признание их значимыми и достаточными для того, чтобы рассматривать предметы мысли как равнозначные» [Волков 2001: 90]. Лирическая героиня Цветаевой рассматривает как равнозначные предметы мысли *сарай* и *царственный замок*.

Рассмотрим еще один пример, в котором для актуализации необходимых смысловых нюансов Цветаева опирается в том числе на этимологическое значение слова. Это отрывок из стихотворения «В седину — висок» (22 января 1925 г.), написанного, как и «Тоска по родине», в эмиграции:

...Не в пуху — в пере
Лебедином — брак!
Браки *розные* есть, *разные* есть!
Как на знак тире —
Что на тайный знак
Брови *вздрагивают* —
Заподозреваешь?

Как известно, стихотворение «В седину — висок...» М. И. Цветаевой является поэтическим откликом на книгу стихов Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь», на каждый слог которой лирическая героиня оборачивается, каждый стих которой останавливает ее. Встреча двух поэтов-побратимов изображается с помощью метафоры «брак». А единство и противоположность двух равных по силе творческих стихий описывается с опорой на контекстуальные антонимы *розные* и *разные*. Начинается приведенный от-

¹ АНТОНИМЫ КОНТРАДИКТОРНЫЕ. Противоречащие антонимы, обозначающие противопоставленность предметов, признаков, процессов, отношений. Наличие одного из них исключает наличие другого: *жизнь* — *смерть*, *война* — *мир*, *добро* — *зло* [СЛТ 2010: 35].

АНТОНИМЫ КОНТРАРНЫЕ (ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ). Антонимы, обозначающие противопоставленность предметов, признаков, процессов, отношений, допускающие включение в свой состав «среднего» члена парадигмы, т. е. слова с нейтральной окраской, от которого берут отсчет позитивный и негативный члены парадигмы: *быстрый* — *умеренный* — *медленный* [СЛТ 2010: 35].

² СИНОНИМЫ ПОЛНЫЕ. Слова, тождественные по смыслу: *бросать* — *кидать*, *глядеть* — *смотреть* [СЛТ 2010: 325].

рывок также с противопоставления слов, близких, синонимичных в прямом значении: *пух* и *перо* — это материал, которым набивают пуховые перины для новобрачных. В одной из словарных дефиниций у этих лексем есть общая сема «пух»: а) очень мелкие, нежные, ближайшие к коже, пушистые перышки у птиц; б) перина, подушка, одеяло, набитые такими перьями [ТСРЯ 2000 https]. Антитеза же здесь построена на противопоставлении прямого значения лексемы *пух*, приведенного выше, и пучка переносных значений лексемы *перо*, одинаково важных по смыслу, перетекающих одно в другое и (пользуясь словами самой Цветаевой из этого же стихотворения) буквально *расслаивающихся, как свет в оке*: «2. Полный стерженёк, взятый из крыла крупной птицы (гуся, лебедя и т. п.), очиненный, заострённый и расщеплённый на конце (как орудие письма до изобретения стальных перьев). 3. Стальная продолговатая изогнутая пластинка с заострённым и расщеплённым концом (для писания чернилами, тушью и т. п.) <.> (ручка для письма, в которой чернила равномерно автоматически подаются на кончик пера). 4. только ед. Символ искусства писателя, писательского труда. *Собратья по перу. Владеть пером* (писать искусно, мастерски)» [БТСРЯ 2000: 825]. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова ряд актуальных для понимания анализируемого контекста значений еще шире, в частности, представлено также следующее значение лексемы *перо*: «5. перен., только ед. Та или иная писательская манера, тот или иной характер писательского таланта, стиля» [ТСРЯ 2001: 368]. Контекстуальная антонимия выстроена здесь с опорой на признаки: бытовое, мещанское (*пух*) — поэтическое, творческое, искусное, мастерское (*перо*). Пользуясь словами Л. Г. Зубовой [Зубова 1989: 26], можно сказать, что контраст у Цветаевой предельно обнажен в парадоксальных сближениях и отталкиваниях прямого значения слова *пух* и переносно-символических значений слова *перо*.

Еще более интересно проследить игру со смыслами в антонимическом соотношении «*браки розные есть, разные есть*». Этимологически выделенные жирным курсивом слова — полные синонимы: «Разный — цслав. форма, вместо исконнорусск. *ро́зный* ср. *рознь*, *пóрознь*, ст.-слав. *разьно* *диáфoрoс* (Супр.) [ЭС 1987, т. 3: 434]. И на первый взгляд, Цветаева всего лишь подчеркивает через открытое использование синонимов основной смысл: разницу творческой манеры при сходстве главного — духовного родства. Однако, с другой стороны, прилагательные *розный* и *разный* противопоставлены друг другу как обособленный, вызывающий рознь, вражду, соперничество и, с другой стороны, просто неодинаковый, непохожий. Сопоставим значение прилагательного *розный*, представленное в этимологических словарях и, за редким исключением, не отраженное в современных толковых словарях, и значение прилагательного *разный*, отраженное в современных толковых словарях:

Розный — «Рóзный рознь, укр. *різно*, *різний* “разный”, блр. *ро́зны*, др.-русск. *розьно* (СПИ), *розьнь* “вражда”, ст.-слав. *разьнь* *диáфoрoс* (Супр.),

болг. *ра́зен*, *ра́зна*, *ра́зно*, словен. *gázan*, *gázna*, чеш. *gůzný* “разный, отдельный, разрозненный”, словц. *gõznu*, польск. *góznu*, в.-луж. *gózno* “врозь” [ЭС 1987, т. 3: 496]. В словаре Ефремовой находим следующее истолкование: «ро́зный — *прил. устар.* 1) Раздельный, обособленный» [НСРЯ 2000. https]. У В. Даля находим: «ро́зный — все, что врознь, отчего поро́знь; разрозненный, раздельный, отдельный, неместный, по расстойню, по времени, или по подбору» [ТСЖВЯ 1999: 101].

Разный — «1. Неодинаковый, непохожий; несходный в чём-л. 2. Иной, другой, не один и тот же. 3. Разнообразный, различный, всевозможный» [БТСРЯ 2000: 1077].

Получается, что Цветаева подчеркивает, в первую очередь, разницу между творческими союзами (*браки розные есть, разные есть*), в которых единство противоположностей замешано на борьбе (тютчевском «роковом слиянии» и «роковом поединке») или основано на взаимодополнении непохожих индивидуальностей, творческих стихий — неба и моря, — перевернутых друг в друга (*Небо! — морем в тебя окрашиваюсь*).

И еще один интересный для анализа антонимических и синонимических отношений отрывок из стихотворения Цветаевой «Гибель от женщины. Вот — знак...» 1916 года, обращенного к О. Э. Мандельштаму.

*...Голыми руками возьмут — ретив! упрям!
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Расстреляют крылья твои по всем четырем ветрам!
Серафим! — Орленок!*

Серафимом и Орленком именуется не просто мужчина, для которого гибельна женская власть над ним (женщина как искушение), но мужчина-поэт, а он небесен, крылат. Здесь тире — излюбленный авторский знак препинания (*тайный знак* из предыдущего примера), — то ли соединяет плохо соединимое, то ли разъединяет нечто цельное по смыслу. О. Г. Ревзина утверждает, что знаки препинания в поэтических текстах Цветаевой, в том числе тире, выступают как семантически насыщенные выразительные средства [Ревзина 1989: 215]. Важно учитывать, что лексемы *Серафим* и *Орленок* являются в данном случае реминисцентными знаками [Ревзина 1989: 209]. Именно в этом качестве, обладая шлейфом культурных ассоциаций, они сопоставляются друг с другом, уточняя мысль автора, т. е. выступают как контекстуальные синонимы. Но синонимизация происходит на базе антонимических отношений. Акцент сделан на общем в семантике выделенных лексем: важно, что и Серафим, и Орленок — это крылатые существа¹, стоящие на высшей ступени

¹ СЕРАФИМ [от др.-евр. *seraph* (*serafim*)] Религ. В христианской и иудейской мифологии: один из ангелов, стоящих на высшей ступени небесной иерархии, ближайших к престолу Божьему (изображается в облике человека с шестью крыльями, из которых двумя он закрывает лицо, двумя — ноги, с помощью двух оставшихся летает, непрерывно славя Господа) [БТСРЯ 2000: 1176].

ОРЕЛ. Важнейший символ, эмблема всевидящих богов неба и солнца, правителей, а также воинов. Ассоциируется с величием, властью, господством, победой, отвагой, вдохновением, духовным подъемом. Орел — властелин воздуха — один из

своей иерархии и обладающие особыми качествами, отмеченными в словаре Дж. Тресиддера: величию, властью, господством, победой, отвагой, вдохновением, духовным подъемом [Тресиддер 1999: 255]. При этом соединены / разведены знаком тире лексемы антонимичные: в их семантике, помимо общего, есть и особенное: 1) одно из этих существ (Серафим) уже приблизилось к Богу / к совершенству, а второе (Орленок) только начинает свой полет к нему; 2) одно есть существо горнего мира, а второе — существо земное, человек с особой судьбой, образ которого оказался запечатленным в культуре¹. Однако при всем несходстве этих существ «растреплют крылья» и тому, и другому.

Как и в первом проанализированном отрывке из стихотворения «Тоска по родине...», в данном случае контекстуальные антонимы *Серафим* и *Орленок*, подчеркнута разведенные знаком тире по разным полюсам семантического пространства, на самом деле сопоставляются. Задействованными оказываются их синонимические связи и отношения: на первый план выходит общее, а не различное в их смысловых отношениях, при этом, как уже было отмечено, синонимическое различие формирует особую речевую экспрессивность. Знак тире оказывается как нельзя более подходящим для данного контекста, помогая не только правильно его истолковать, но и подчеркнуть его семантическую глубину. Как указывает О. Г. Ревзина, кроме связи с интонационным (установка на произнесение) и синтаксическим уровнями, цветаевские знаки препинания (и в том числе тире. — М. М.) непосредственно «сопряжены с многопланностью поэтической ткани текста» [Ревзина 1989: 215].

Проанализированные в статье примеры убеждают в том, что опора на синонимико-антонимические связи помогает М. Цветаевой выстраивать многоплановые, неоднозначные смысловые отношения. При этом зависимость удельного веса слова от контекста, отмеченная И. Бродским, у поэтессы, действительно, велика. Поэтому для М. И. Цветаевой «игра со смыслами», построенная на взаимодействии антонимии и синонимии, является одним из интереснейших и одновременно сложнейших приемов формирования смыслового пространства текста, его экспрессивизации.

наиболее однозначных и универсальных символов, воплощающих мощь, скорость и другие признаки мира животных во всем своем величии. Он не только спутник всех великих богов, но часто их прямая персонификация <...> В средневековой христианской иконографии орел ассоциируется с вознесением Христа, с молитвами, посылаемыми к небесам, с нисхождением милости Божьей и победой над злом <...> [Тресиддер 1999: 255–256].

¹ В 1914 г. М. Цветаева писала В. В. Розанову, что она «шестнадцать лет безумно полюбила Наполеона I и Наполеона II, целый год жила без людей, одна в своей маленькой комнатке, в своем огромном мире» [Цветаева 1994, т. 4: 124].

Э. Ростан посвятил поэтическую драму «L'Aiglon» 2 («Орленок») жизни и судьбе сына Наполеона — Наполеону II. В сознании Цветаевой культ Наполеона и его сына, герцога Рейхштадтского, был, по-видимому, связан прежде всего с образом, созданным Ростаном. Именно Aiglon Ростана называет Цветаева главным, любимым героем ранней юности [Стрельникова 2009: 109].

ЛИТЕРАТУРА

- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2000. — (сокр. БТСРЯ).
- Бродский о Цветаевой: интервью, эссе [Электронный ресурс]. — М.: «Независимая газета», 1997. — Режим доступа: <http://bookworm-quotes.blogspot.ru/2009/10/1979.html> (дата обращения: 09.10.2017).
- Волков А. А. Курс русской риторики. — М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. — 480 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Русский язык, 1999. — Т. 4: Р — Ү. — 688 с. — (сокр. ТСЖВЯ).
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. — М.: Русский язык, 2000. — Режим доступа: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 12.02.2018). — (сокр. НСРЯ).
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. — 5-е изд., испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с. — (сокр. СЛТ).
- Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. — Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. — 264 с.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М.: Наука, 1976. — 356 с.
- Корюкина Е. С. Парадиастола как риторический прием // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. — 2013. — № 6 (1). — С. 426–428.
- Ляпон М. В. Парадоксальная логика как режим мышления // Слово и язык: сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. — М.: Языки славянских культур, 2011. — С. 655–665.
- Марина Цветаева — Борис Пастернак. «Души начинают видеть». Письма 1922–1936 гг. — М.: Вагриус, 2004. — 719 с.
- Новиков Л. А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в школе. — 1966. — № 4. — С. 79–87.
- Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. — М.: Высшая школа, 1973. — 290 с.
- Норман Б. Ю. Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию. — М.: Либроком, 2011. — 230 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс] / авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — 2-е изд., исправ. и доп. — М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. — Режим доступа: http://www.ruslang.ru/text_noss2_title (дата обращения: 09.10.2017). — (сокр. НОСС).
- Райская Л. М. Взаимодействие лексической антонимии и синонимии в русском народном говоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 7 (25): в 2-х ч. — Ч. II. — С. 158–161.
- Ревзина О. Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре // Язык русской поэзии XX века: сборник научных трудов / отв. ред. В. П. Григорьев. — М.: Институт русского языка АН СССР, 1989. — 223 с.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значениям [Электронный ресурс] / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — Режим доступа: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения: 09.10.2017). — (сокр. СЕМ2).
- Стрельникова Н. Д. Марина Цветаева и Эдмон Ростан // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2009. — № 3. — С. 109–115.

Толковый словарь русского языка: в 3 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книги, 2001. — Т. 2. Н — П. — 688 с. — (сокр. ТСРЯ).

Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. — 448 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1987. — Т. 3 (Муза — Сят). — 832 с. — (сокр. ЭС).

Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 томах. — М.: Эллис Лак, 1994. — Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. — 688 с.

REFERENCES

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S. A. Kuznetsova. — SPb.: Norint, 2000. — (sokr. BTSRYa).

Brodskiy o Tsvetaevoy: interv'yu, esse [Elektronnyy resurs]. — M.: «Nezavisimaya gazeta», 1997. — Rezhim dostupa: <http://bookworm-quotes.blogspot.ru/2009/10/1979.html> (data obrashcheniya: 09.10.2017).

Volkov A. A. Kurs russkoy ritoriki. — M.: Izdatel'stvo khrama sv. much. Tatiany, 2001. — 480 s.

Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. — M.: Russkiy yazyk, 1999. — Т. 4: R — Y. — 688 s. — (sokr. TSZhVYa).

Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovno-slovoobrazovatel'nyy [Elektronnyy resurs]. — M.: Russkiy yazyk, 2000. — Rezhim dostupa: <https://www.efremova.info> (data obrashcheniya: 12.02.2018). — (sokr. NSRYa).

Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. — 5-e izd., ispr. i dop. — Nazran': OOO «Piligrim», 2010. — 486 s. — (sokr. SLT).

Zubova L. V. Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Lingvisticheskyy aspekt. — L.: Izdatel'stvo Leningr. un-ta, 1989. — 264 s.

Karaulov Yu. N. Obshchaya i russkaya ideografiya. — M.: Nauka, 1976. — 356 s.

Koryukina E. S. Paradiastola kak ritoricheskyy priem // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Filologiya. — 2013. — № 6 (1). — S. 426–428.

Lyapon M. V. Paradoksal'naya logika kak rezhim myshleniya // Slovo i yazyk: sbornik statey k vos'midesyatiletuyu akademika Yu. D. Apresyana. — M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. — S. 655–665.

Marina Tsvetaeva — Boris Pasternak. «Dushi nachinayut videt'». Pis'ma 1922–1936 gg. — M.: Vagrius, 2004. — 719 s.

Novikov L. A. Logicheskaya protivopolozhnost' i leksicheskaya antonimiya // Russkiy yazyk v shkole. — 1966. — № 4. — S. 79–87.

Novikov L. A. Antonimiya v russkom yazyke: Semanticheskyy analiz protivopolozhnosti v leksike. — M.: Vysshaya shkola, 1973. — 290 s.

Norman B. Yu. Grammatika govoryashchego: Ot zamysla k vyskazyvaniyu. — M.: Librokom, 2011. — 230 s.

Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] / avtory slovarnykh statey: V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. E. Babaeva, O. Yu. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, M. Ya. Glovinskaya, S. A. Grigor'eva, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Ptentsova, A. V. Sannikov, E. V. Uryson; pod obshch. ruk. akad. Yu. D. Apresyana. — 2-e izd., isprav. i dop. — M.; Vena: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskyy al'manakh, 2004. — Rezhim dostupa: http://www.ruslang.ru/text_noss2_title (data obrashcheniya: 09.10.2017). — (sokr. NOSS).

Rayskaya L. M. Vzaimodeystvie leksicheskoy antonimii i sinonimii v russkom narodnom govore // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov: Gramota, 2013. — № 7 (25): v 2-kh ch. — Ch. II. — S. 158–161.

Revzina O. G. Vyrizitel'nye sredstva poeticheskogo yazyka M. Tsvetaevoy i ikh predstavlenie v individual'no-avtorskom slovare // Yazyk russkoy poezii XX veka: sbornik nauchnykh trudov / otv. red. V. P. Grigor'ev. — M.: Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1989. — 223 s.

Russkiy semanticheskyy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniyam [Elektronnyy resurs] / pod obshchey red. N. Yu. Shvedovoy. — Rezhim dostupa: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (data obrashcheniya: 09.10.2017). — (sokr. SEM2).

Strel'nikova N. D. Marina Tsvetaeva i Edmon Rostan // Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura. — 2009. — № 3. — S. 109–115.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t. / pod red. prof. D. N. Ushakova. — M.: Vechе, Mir knigi, 2001. — Т. 2. N — P. — 688 s. — (sokr. TSRYa).

Tresidder Dzh. Slovar' simvolov / per. s angl. S. Pal'ko. — M.: FAIR-PRESS, 1999. — 448 s.

Fasmer M. Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. — 2-e izd., ster. — M.: Progress, 1987. — Т. 3 (Муза — Сят). — 832 с. — (sokr. ES).

Tsvetaeva Marina. Sbranie sochineniy: v 7 tomakh. — M.: Ellis Lak, 1994. — Т. 4. Vospominaniya o sovremnikakh. Dnevnikovaya proza. — 688 s.

Данные об авторе

Марина Георгиевна Милютин — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет (Ижевск).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская 1 (корп. 2).

E-mail: mmilyutina@inbox.ru.

About the author

Marina Georgievna Milyutina — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk).